

РЕЦЕНЗИИ

Semantic and lexical universals: Theory and empirical findings / Ed. by C. Goddard, A. Wierzbicka. Amsterdam: John Benjamins, 1994. VII + 510 p.

Несмотря на то, что все последние годы А. Вежбицкая работает очень продуктивно и много печатается, каждая ее новая книга неизменно оказывается событием. Однако даже на этом фоне рецензируемая книга выделяется особо: это первая значительная коллективная работа, выполненная под непосредственным руководством Вежбицкой (и при ее активном участии) и ориентированная на эмпирическую верификацию некоторых важнейших положений ее семантической теории – прежде всего, статуса знаменитых "семантических примитивов".

Как известно, одним из ключевых положений семантической теории Вежбицкой является утверждение о существовании универсальных (и при этом семантически элементарных) концептов человеческой культуры – своеобразный алфавит ментальных атомов, образующий все множество более сложных смыслов любого естественного языка, и обеспечивающий, в числе прочего, принципиальную возможность адекватного перевода с языка на язык и взаимопонимания между носителями различных языков (и культур). Тем самым, в качестве исходного пункта лингвистических рассуждений постулируется глубинное "духовное единство человечества" (с. 2), принципиальная тождественность способов мышления и восприятия мира у всех людей Земли. Однако ранее как само это утверждение, так и демонстрации его применимости делались Вежбицкой, главным образом, на материале английского и некоторых славянских языков (причем мета-языком описания также был преимущественно английский); универсальная релевантность "семантических примитивов" оставалась лишь гипотезой. В данной книге объектом исследования оказываются лексические системы 14 языков, из которых подавляющее большинство локализованы в азиатско-тихоокеанском регионе: это япон-

ский, китайский и тайский; четыре очень отдаленно родственные друг другу австронезийских языка – мангап-мбула (Новая Гвинея), ачех (Суматра), лонггу (Соломоновы острова) и самоа (Западное Самоа, Полинезия); три австралийских языка (кайардилл, янкунтияра и аранда) и новогвинейский язык калам. Кроме того, приводятся данные по языку эве (Западная Африка), ряду близкородственных мисумальпских языков, прежде всего мискиту (Центральная Америка) и, наконец, по такому экзотическому языку, как современный французский. Как можно видеть, в этом списке соседствуют хорошо описанные языки и языки, известные только по одному-двум недавним описаниям; языки с длительной литературной традицией и письменной историей и бесписьменные языки; "мировые" языки, обслуживающие огромные регионы и миллионы говорящих и находящиеся на грани исчезновения языки, которыми пользуется от силы несколько сот человек старшего поколения (как, например, кайардилл).

Все языки описываются по единой жесткой схеме, причем описание подчинено одной конкретной задаче: определить, каким образом в том или ином языке выражаются (если они выражаются) 37 лексических единиц, признанных семантическими примитивами в английском (мета-)языке Вежбицкой. Несколько огрубляя реальное положение дел, можно сказать, что основное содержание 14 дескриптивных глав книги сводится к рассуждениям по поводу того, как можно перевести на соответствующий язык 37 "простых" английских слов; это своего рода традиционные этюды по контрастивной лексикологии, но, разумеется, встроенные в совсем иную лингвистическую идеологию [заметим в скобках, что степень идеологической (не) традиционности конкретного описания в

очень сильной степени зависит от личности автора, и в этом отношении сборник не является однородным].

Уместно, видимо, привести полный список английских "семантических примитивов", служивший отправной точкой для исследователей (список разбит на восемь семантических групп — "субстантивы", "ментальные предикаты", "квантификаторы", "действия", и т.п.):

— I, YOU, SOMEONE, SOMETHING, PEOPLE;

— THINK, SAY, KNOW, FEEL, WANT;

— THIS, THE SAME, OTHER, ONE, TWO, MANY, ALL;

— DO, HAPPEN TO/IN;

— NO, IF, CAN/COULD, LIKE, BECAUSE, VERY;

— WHEN, WHERE, AFTER, BEFORE, UNDER, ABOVE;

— KIND OF; HAVE PARTS;

— GOOD, BAD, BIG, SMALL.

Заметим, что это наиболее обширный список семантических примитивов по сравнению с теми его вариантами, которые обсуждались в предшествующих работах Вежбицкой. Для облегчения лексикографических процедур исследователям предлагалась также своеобразная анкета, содержащая список элементарных английских предложений: каждое такое предложение задает контекст, в котором наиболее вероятно обнаружение семантического примитива (например, для глагола *know* предписывается брать прежде всего синтаксические контексты типа *I know that*, а не контексты вида *I know this person*, и т.п.).

Книга состоит из краткого предисловия А. Вежбицкой, вводной теоретико-методологической части (написанной совместно К. Годдардом и А. Вежбицкой), эмпирической части, содержащей описания конкретных языков (выполненные специалистами по этим языкам), и заключительной части, в которой А. Вежбицка подводит итоги исследования. Забегая вперед, скажем сразу, что гипотеза о существовании "универсального алфавита человеческой мысли" (это цитата из столь любимого Вежбицкой Лейбница) признается полностью подтвердившейся, однако определение состава "семантических примитивов" оказалось связано с рядом нетривиальных проблем, которые и обсуждаются более подробно, отдельно для каждой группы примитивов. Но прежде чем мы коснемся этой стороны дела, необходимо охарактеризовать основные теоретико-методологические предпосылки исследования, т.к. вводная часть,

несмотря на ее лаконичность, содержит очень любопытные рассуждения, относящиеся к общим проблемам описания семантики естественного языка.

В основе теоретической концепции исследования лежит принцип декомпозиции значений, в результате которой, однако, значения сводятся именно к значениям, а не к чему-то, что имеет иную семиотическую природу (данное утверждение предполагает полемику с очень широким спектром взглядов, включая формально-логические, нейропсихологические, социально-бихевиористские и "метафорические" модели значения). Предельным результатом декомпозиции и являются "семантические примитивы", которые не могут быть представлены как комбинация более элементарных сущностей той же природы. Идея универсальных и элементарных семантических "атомов" восходит непосредственно к мыслителям XVII в. (Паскаль, Декарт, Арно и Лейбниц) и имеет довольно много приверженцев в лингвистике XX в. (в частности, и Хомский, и большинство его оппонентов разделяют в том или ином виде картезианские идеи "универсальной грамматики"). Далее, семантические примитивы объявляются элементами обычного языка, а не специально созданного искусственного метаязыка (в отличие от символов, используемых в формальной логике, или придуманных лингвистами терминов типа "каузировать"); для Вежбицкой это положение представляется особенно важным, т.к. составляет принципиальное отличие ее теории практически от всех остальных современных семантических теорий, с легкостью использующих искусственные единицы. В разных естественных языках семантические примитивы будут, разумеется, звучать по-разному, но они должны быть семантически полностью эквивалентны друг другу (ведь иначе гипотеза об их универсальном характере окажется несостоятельной). Таким образом, семантические примитивы — это просто подмножество определенного естественного языка, называемое в книге "естественным семантическим метаязыком" (ЕСМ). Именно убежденность Вежбицкой и ее единомышленников в естественно-языковом характере семантических примитивов заставляет их затрачивать столько интеллектуальных усилий на поиски семантических примитивов в самых разных языках мира; напомним еще раз, что все эти единицы должны, во-первых, существовать во всех естественных языках (желательно в виде самостоятельных лексем) и, во-вторых,

быть семантически эквивалентными друг другу. Это очень сильная гипотеза, и научное бесстрашие, с которым авторы отваживаются на ее проверку, не может не вызвать уважения.

Немало места во вводной части книги уделено анализу близких Вежицкой семантических теорий. Среди таких идеологически более или менее родственных подходов, по мнению авторов книги, выделяются прежде всего идеи Дж. Лайонза, Р. Диксона и Московской семантической школы (в книге названы имена Ю.Д. Апресяна, А.К. Жолковского, Л.Н. Иорданской и И.А. Мельчука). В работах Лайонза отстаивалось понятие "наивного реализма", но не было образцов детального семантического анализа; в работах Диксона последовательно утверждался примат семантики над синтаксисом и делались попытки выделить базовые семантические элементы на широком типологическом фоне (влияние Диксона на Вежицкую усматривается, в частности, и в усилении типологической ориентации ее последних работ). Наконец, в работах представителей Московской семантической школы, наиболее близких к работам Вежицкой, также уделяется внимание разработке семантического метаязыка и проблеме декомпозиции значений; однако идеологическая важность семантических примитивов, равно как и поиск их естественно-языковых коррелятов (тем более в типологическом плане) для Московской семантической школы существенно менее значимы. Как отмечает К. Годдард, в центре внимания этого семантического направления оказывается скорее проблема тонкой дифференциации семантически близких единиц одного языка, чем "максималистский" поиск универсальных примитивов. Цитируется полемическое высказывание Мельчука, что он в настоящее время "не в состоянии выделить даже одного семантического примитива, не говоря уже о полном их инвентаре" [Mel'čuk 1989: 83]; интересно было бы сопоставить эти утверждения Годдарда с недавней статьей Ю.Д. Апресяна [Апресян 1994], специально посвященной сравнению двух названных подходов.

Обсуждению самого инвентаря примитивов в книге предшествуют краткие методологические рассуждения по поводу понятий полисемии, аллолексии и так называемого семантического "резонанса"; все названные явления, очевидным образом, затрудняют исследовательскую работу по поиску семантических примитивов. Признается существование полисемии и экспли-

цитно отвергается идея моносемии "любой ценой"; корреляты полисемии предлагается искать в синтаксическом поведении слова и в межъязыковых эквивалентах (нельзя не признать, впрочем, что оба эти коррелята достаточно уязвимы). Очень сложная проблема взаимодействия значений многозначного слова в книге едва обозначена: импрессионистическое понятие семантического резонанса, используемое Годдардом и Вежицкой, скорее просто указывает на ее существование, чем является инструментом решения. Впрочем, авторов интересуют не конкретные слова конкретных языков, а, напомним, возможность прорыва в универсальную зону, в недоступное Эльдorado семантически неразложимых элементов. Этот своеобразный семантический романтизм, заставляющий порою вспоминать даже не эпоху Лейбница, а, пожалуй, эпоху Великих географических открытий, составляет, конечно, и сильную и одновременно слабую сторону концепции Вежицкой. Впрочем, на пути в Индию часто открывают Америку: безусловно, тщательные контрастивно-лексикографические штудии 14 языков, представленные в книге, окажутся полезными и в этом аспекте...

Авторы конкретных описаний являются в разной степени сторонниками теории Вежицкой; неудивительно, что они получают разные результаты. В языке янкунтияра, которым занимался сам Годдард, замечательным образом почти не оказывается неразрешимых проблем; зато описания языков аранда (Дж. Харкинз и Д. Уилкинз), мискиту (К. Хейл) или французского (Б. Пеетерс) почему-то демонстрируют гораздо больше сложности. Впрочем, в заключительной главе Вежицкая твердой рукой расставляет все по местам, невольно доказывая, насколько все-таки лексикография ближе к искусству, чем к науке: произведения искусства (а также толкования Вежицкой), увы, не выигрывают от массового тиражирования.

Рассмотрим и мы некоторые более конкретные проблемы, с которыми сталкивались исследователи при описании лексики соответствующих языков.

Прежде всего, подавляющее большинство авторов проявляет единодушие в том, что семантические примитивы Вежицкой (многие или даже все) не могут претендовать на статус универсальных лексических единиц. В языках вполне может не быть специальных лексем для обозначения примитивов CAN, FEEL, PART, IF, и т.п.; в

языке мангап-мбула, например, одинаковое означающее имеют даже четыре примитива сразу: THINK, SAY, WANT и IF. В таком языке, как китайский, примитивы, относящиеся к понятиям части/целого, а также сравнения, выражаются скорее синтаксически, чем лексически, и т.п. С другой стороны, один и тот же примитив может быть выражен несколькими лексическими единицами, каждая из которых имеет какую-то дополнительную семантическую нагрузку. Так, в языке кайардилл отсутствует "простой" глагол со значением 'делать', зато имеются глаголы 'делать хорошо', 'делать плохо', 'делать это', 'делать то', и т.п. Особенно delicate проблемы возникают в связи со статусом личных местоимений 1 и 2 лица: в японском и особенно тайском языке выражение значений типа 'я' и 'ты', как известно, осложняется большим количеством дополнительных прагматических параметров. Так, в тайском языке имеется по крайней мере 9 пар таких местоимений, ни одна из которых не является "нейтральной". И это не считая случаев нулевого местоимения или использования слов типа 'мышка' в качестве эквивалентов 1-го лица (согласно предлагаемому описанию, такие употребления характерны для речи девочек при их почтительном обращении к старшим). Что следует выбрать в качестве семантических примитивов I и YOU в тайском и японском языке? Авторы предлагают наиболее "грубые" местоимения, имея в виду, что они максимально свободны от осложняющих прагматических приращений; однако они признают, что толкования с их использованием будут звучать странно (если не вовсе неприемлемо) для тайца или японца. В связи с этим Вежицкая замечает, что "японская версия естественного семантического метаязыка (ЕСМ) — это не японский язык, но такой язык, который может быть понят с помощью японского". Здесь — всего один шаг до введения искусственных метаязыковых элементов и признания принципиальной лексической невыразимости примитивов, и не вполне ясно, как сторонникам ЕСМ удастся балансировать между соблюдением своих постулатов (см. выше) и языковой реальностью. С нашей точки зрения, представленный в книге языковой материал в очень сильной степени подрывает именно идею обязательного лексического воплощения примитивов. Казалось бы, в этом нет ничего страшного: не будучи лексикографическими универсалиями, примитивы могут оставаться семантическими универсалиями. Но

именно для системы взглядов Вежицкой этот вывод не слишком желателен: ведь ориентация на безусловную реальность и психологическую адекватность семантических примитивов плохо согласуется с их лексической невыраженностью (а может быть, и невыразимостью?) хотя бы в одном языке. Именно поэтому в своем послесловии Вежицкая так настаивает, что невыраженность еще не означает невыразимость. Но кто же спорит — на любом языке можно выразить любую мысль, однако данная книга, быть может вопреки желанию ее авторов, все же показывает, что *Lingua mentalis* был в очень большой степени не английский, то по крайней мере "европейским" языком, а вовсе не языком всего человечества.

Впрочем, и с европейскими языками не все обстоит так просто. Б. Пеетерс, автор очерка по французскому языку, разбирает толкования Вежицкой, опубликованные ею несколько лет назад в статье на французском языке [Wierzbicka 1988]. Оказывается, к этим толкованиям можно предъявить очень много претензий именно с точки зрения французского языка, а адекватный перевод на французский глагола FEEL (*sentir? ressentir? éprouver?*) и вовсе предстает почти неразрешимой проблемой... Таким образом, общим (и, по-видимому, неожиданным) выводом будет все-таки гораздо более сильная, чем можно было думать, связь языка семантических примитивов с устройством английского языка. То, что по-английски звучит красиво и завораживающе-убедительно, даже по-французски оказывается неуклюжим набором слов. Это еще один аргумент в пользу того, что толкования Вежицкой — в большой степени произведения искусства: будучи переведенными, толкования Вежицкой проигрывают едва ли не в той же степени, что и стихи.

Заметим, кстати, что многие проблемы, встающие перед авторами описаний "экзотических" языков, могут быть обнаружены и при анализе русского материала. Так, в разговорном русском языке (в отличие, конечно, от его литературного варианта) с большим трудом выделяются эквиваленты для примитивов SOMEONE, SOMETHING, PEOPLE, FEEL, KIND OF, HAVE PARTS. Что касается английских слов SOMEONE и SOMETHING, то соответствующая семантическая зона в русском языке дифференцирована гораздо тоньше (это, в терминах Вежицкой, случай "аллолексии", но очень специфический): достаточно назвать единицы *кто-то* / *что-то*, *кое-кто* / *кое-*

что, кто-нибудь / что-нибудь, один человек / одна вещь / один / одно (не говоря уже о литературных некто / нечто, которые, быть может, и являются самыми точными соответствиями данным английским единицам). В результате "элементарную" английскую фразу *I can see something over there* на русский язык оказывается почти невозможно перевести буквально: вариант ?*Я могу там что-то увидеть* звучит весьма странно; вариант с *кое-что* более приемлем, но может ли *кое-что* претендовать на роль семантического примитива? Слово FEEL, казалось бы, достаточно однозначно переводится как "чувствовать", но "ключевые" английские контексты требуют употребления *чувствовать себя*: *I feel good* переводится как "Я чувствую себя хорошо" или даже "Мне хорошо" (как Вежицкая будет анализировать этот последний вариант?). Кстати, аналогичные трудности отмечаются в описании У. Мозель и для языка самоа, где базовый эквивалент английского FEEL не сочетается со словами *хорошо* и *плохо*. Наконец, (разговорный) русский язык относится к той обширной группе языков, которые, по-видимому, не имеют идиоматичных субстантивных эквивалентов для понятий 'часть' и 'разновидность'. Действительно, наивный, а не научный русский "таксономический дискурс" выглядит приблизительно так (используются диагностические контексты, предложенные Вежицкой): *Дуб – это такое дерево* [а не: ?*вид дерева*]; *В зоопарке мы видели разных птиц и зверей* [а не: ?*разные виды птиц и зверей*]; *Это не та же самая птица, а просто такая же* [а не: ?*птица того же вида*], и т.п.

Вообще, примитив PART (HAVE PARTS) оказывается по признанию самой Вежицкой, наиболее проблематичным из списка: слишком многие языки испытывают трудности с его прямым лексическим выражением. (Заметим, что даже в английском языке слово *part* принадлежит к группе заимствованной лексики, наряду, кстати, с "примитивами" *very* и *people*; тем самым оказывается, что "семантические примитивы" и "базовая", диахронически наиболее устойчивая лексика – это не вполне одно и то же). Тем не менее Вежицкая настаивает на включении этого примитива в общий

список: ведь не может же быть, рассуждает она, чтобы в каком-то языке не было принципиальной возможности выразить мысль типа "этот объект состоит из трех частей". Между тем, такая аргументация отнюдь не кажется бесспорной. В соответствии с логикой антропоцентрического подхода к языку, столь убедительно обоснованной самой Вежицкой в других ее работах (ср. хотя бы [Wierzbicka 1985]), естественно заключить, что части "вообще" – это не есть сущность, которую человек склонен в первую очередь выделять у окружающих его объектов (в особенности, неартефактных). Гораздо более "антропоцентричной" является такая сущность, как результат деления объекта (так и в русском языке: достаточно сопоставить абстрактное и "книжное" *часть* с такими несравненно более "обиходными" и "бытовыми" лексемами, как *кусок* или *доля*; кстати, интенсивность этимологических связей у слова *доля* и в индоевропейском лексиконе гораздо выше). Сходные тенденции имеются и в языках других ареалов. Тем самым, человек концептуализует прежде всего понятие отделяемой (или отделенной) части; высказывания же вида *ветка есть часть дерева* предполагают уже гораздо больший уровень абстракции.

Приведенные примеры демонстрируют неисчерпаемость и неожиданность лексических различий между языками. Даже если бы интересная и глубокая книга Годдарда и Вежицкой еще раз просто привлекла внимание к этому факту, она уже заслуживала бы сочувственного отношения. Но очевидно, что потенциал этой книги неизмеримо больше.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анресян Ю.Д. 1994 – О языке толкований и семантических примитивах // ИАН СЛЯ. 1994. № 4.
 Mel'čuk I.A. 1989 – Semantic primitives from the viewpoint of the Meaning-Text linguistic theory // Quaderni di semantica. 1989. V. 10, 1.
 Wierzbicka A. 1985 – Lexicography and conceptual analysis. Ann Arbor, 1985.
 Wierzbicka A. 1988 – L'amour, la colère, la joie, l'ennui: La sémantique des émotions dans une perspective transculturelle // Langages. 1988. 89.

В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина